

CONGRESSUS NONUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

IX международный конгресс финно-угроведов состоялся 7—13 августа 2000 года в Тарту. Местом его проведения стал Тартуский университет, не только имеющий важнейшее значение для эстонского финно-угроведения, но и сыгравший большую роль в жизни лингвистов — представителей восточных финно-угорских народов, многие из которых учились здесь у профессора П. Аристэ.

На торжественном заседании конгресс открыл его президент Т. Сейленталь, с приветственным словом выступили ректор Тартуского университета Я. Аавиксоо, патрон конгресса президент Эстонской Республики Л. Мери, министр

образования ЭР Т. Лукас и председатель Тартуского городского собрания П. Тулвистэ.

В работе конгресса приняли участие 676 человек. Наибольшее число участников приехало из Финляндии — 210 человек, Эстонию представляли 165 человек, из Российской Федерации прибыли 156 ученых, из Венгрии на этот раз — только 44. Довольно представительными по традиции были также делегации из Швеции, Германии, Голландии, США и Японии, самые дальние гости приехали из Австралии, и кажется, впервые на конгресс финно-угроведов прибыли представители Люксембурга. В

дни конгресса Тарту посетили ученые из 23 стран.

В течение четырех напряженных рабочих дней прочитано десять пленарных докладов, секционные доклады распределены следующим образом: в секциях языкознания 207, в секции фольклористики 57, в секции этнологии 37, в секции литературоведения 46 и в секции археологии, антропологии и генетики 25. Таким образом в целом прочитано 372 секционных доклада. Кроме того, состоялись десять очень интересных симпозиумов, среди них шесть на лингвистические темы: Лицом к прибалтийско-финским языкам (см. *Facing Finnic. Some Challenges to Historical and Contact Linguistics, Helsinki 2000* (Castrenianumin toimitteita 59)), Уральские языки на фоне лингвистического атласа (см. *Studia ad Geographiam Linguarum Pertinentia, Tallinn 2000* (Eesti Keele Instituudi Toimetised 6)), Финно-угорская просодия, Имена на карте, Вычислительная лингвистика, Исследование прибалтийско-финской экспрессивной лексики. В рамках симпозиумов выступили 110 человек. Двенадцать ученых представили стендовые доклады. Всего на конгрессе в Тарту выступили и познакомились с результатами своих исследований 504 человека. IX конгресс еще раз подтвердил, что центральное место в финно-угроведении принадлежит лингвистике: свыше 55% докладов прозвучало в языковедческих секциях — в рамках конгресса их было 13: Фонетика и фонология, Морфология, Синтаксис, Типология, Лексикология, Семантика, Ономастика, Происхождение, вариация и контакты уральских языков, Ранние контакты, История исследования, Литературный язык и культура речи, Языковая обстановка и литературный язык, Освоение языка.

Были организованы и три публичные лекции: Я. Гуя (Гёттинген) «*Quo vadis, Fennougristica*», Т. Исохоокана-Асунмаа (Хельсинки) «Как европейские организации могут помочь финно-угорским народам?» и У. Сутроп (Таллинн) «От первых языковых древес до комплексных языковых сетей».

Далее предлагается краткий обзор работы конгресса по языковым группам и отдельным языкам.

Главная тема Тартуского конгресса — «Финно-угроведение накануне нового тысячелетия». В предшествовавшие конгрессу годы активно обсуждались проблемы, связанные с уральским / финно-угорским праязыком, прародиной, родством языков и языковым древом. Вполне естественно, что именно эти вопросы оказались в центре внимания пленарных докладов по лингвистике, да и пленарного доклада по археологии, прочитанного К. Карпеланом (Хельсинки). В то же время канун нового века и нового тысячелетия оживил интерес к истории финно-угроведения вообще и исследованиям последних пяти лет или десятилетий. Пленарные доклады, тексты публичных лекций и тезисы секционных докладов и некоторых симпозиумов увидели свет к началу конгресса (см. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.—13. 8. 2000 Tartu. Pars I. Orationes plenariae & Orationes publicae; Pars II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Linguistica, Tartu 2000*).

В пленарных докладах рассматривались главным образом общие вопросы у р а л и с т и к и и ф и н н о - у г р о в е д е н и я. Ю. Янхунен (Хельсинки) выступил с докладом «Реконструируя доуральскую типологию после тысячелетнего языкового развития». В печатном варианте его доклада перечислены 15 основных положений, во время выступления он остановился подробнее на уральском раннем языковом родстве, распаде праязыка и вопросах, связанных с языковым древом. Ю. Янхунен склонен считать уральские языки родственными, а это предполагает, что когда-то существовал общий праязык и, следовательно, человеческое сообщество, которое пользовалось этим языком на определенной географической территории, т.е. на уральской прародине. Он познакомил с соответствующими взглядами и точками зрения примерно 15 ученых и отметил между прочим, что если предшественников т.н. новой парадигмы, например К. Вийка, считать революционерами, то появились уже и те, кого можно называть контрреволюционерами, как например Э. Итконен. Ю. Янхунен считает, что уральское языковое древо хоть и

нуждается в некотором пересмотре, однако его следует признать вполне достоверной моделью.

К. Редеи (Вена) представил на суд собравшихся пленарный доклад «Прародина и праязык (научные гипотезы и антинаучные заблуждения)». Он выступил как сторонник былого существования уральской прародины и уральского праязыка, в докладе дан также обзор связанных с этими двумя понятиями точек зрения, а также теории контактов К. Вийка, А. Кюннапа и Я. Пустай и ее критики. К. Редеи подчеркнул, что лингвистические и археологические данные об уральских и финно-угорских народах и языках однозначно свидетельствуют о том, что и современные западные финно-угорские народы и языки имеют восточное происхождение, он убежден, что сторонники теории контактов мало, поверхностно и лишь в общем плане занимаются языковым материалом и слишком увлекаются далекими от лингвистики аргументами, которые отнюдь не всегда могут служить подспорьем в лингвистической дискуссии.

Т.-Р. Вийтсо (Тарту) прочел доклад на тему «Прибалтийско-финское языковое родство», в котором рассмотрел, опираясь на анализ 38 языковых явлений, как мог разветвляться уральский праязык, а на основе 59 инновационных языковых явлений — как мог разветвляться прибалтийско-финский праязык и как возникли современные прибалтийско-финские языки и диалекты. Если судить по этому материалу, финно-угорский праязык прежде всего распался либо на саамско-финско-мордовско-марийскую и пермско-угорскую либо на саамско-финскую и мордовско-марийско-пермско-угорскую группы. По поводу распада прибалтийско-финского праязыка тоже предполагается несколько возможностей, например, ливско-южноэстонская группа и остальные прибалтийско-финские языки, южноэстонский и остальные, ливский и остальные или же деление на четыре группы: ливский, южноэстонский, североэстонский, остальные. Т.-Р. Вийтсо пришел к выводу, что в любом случае на смену прибалтийско-финскому праязыку должна была прийти

тройка: угала, или южноэстонский, ливский и группа остальных прибалтийско-финских языков, или невский язык.

А. Кузнецова (Москва) в своем пленарном докладе задалась вопросом «Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков?». Наиболее существенным она считает типологическое исследование уральских языков и создание соответствующей базы данных, составление уральского диалектологического атласа, лексикографию, публикацию архивных данных. Докладчик выразила надежду, что больше внимания будет уделяться периферийным и маргинальным языковым явлениям. В заключение А. И. Кузнецова предположила, что языковедов непременно ждет смена парадигмы, но какой она сложится, пока трудно сказать, финно-угроведам необходимо активно вмешаться в формирование новой парадигмы.

История и перспективы исследования уральских языков рассматривались и в прозвучавшем сразу после открытия конгресса публичном докладе Я. Гуя. Он отметил, что между финно-угроведением и общим языкознанием образовалась щель, а классическое сравнительно-историческое языкознание уже почти исчерпало себя. Наиболее существенными областями исследований Я. Гуя считает синтаксис, семантику и типологию.

В отличие от остальных один из пленарных докладов был посвящен научным достижениям в области одного языка и народа — «Коми финно-угристика на рубеже тысячелетий: результаты и перспективы», который прочитала Э. Савельева (Сыктывкар). Она представила обзор всего, что было сделано за последние пять лет и что следовало бы сделать в области грамматической системы, лексики, диалектологии, истории коми языка и литературного коми языка. Вторая часть доклада была посвящена проблемам коми этнологии, народной культуры и особенно подробно археологии.

Вопросы, затрагивающие уральские и финно-угорские языки в целом, обсуждались и во многих докладах в секциях и на симпозиумах. Отметим прежде всего доклад Л. Хонти (Удине) «Всегда ли историческая фо-

нетика играет определяющую роль в исторической морфологии?», который утверждает, что если при исследовании морфологии выдвинуть на первый план фонетические аспекты, то можно прийти и к неверным выводам. При морфологических реконструкциях рекомендуется учитывать следующие обстоятельства: 1) тенденции фонетического развития не обязательно одинаково отражаются на суффиксах и основах, 2) говоря о суффиксальных формах, не только можно, но и нужно учитывать гипотезу с синтаксической подоплекой, 3) в отношении морфологических категорий невозможно выдвинуть надежную гипотезу, основываясь только на фонетических критериях. У.-М. Кулонен (Хельсинки) рассматривала проблемы склонения личных местоимений финно-угорского праязыка. В косвенных падежах местоимений угорских и пермских языков используются притяжательные суффиксы, причем фрагменты такой системы встречаются и в других языках. Сочетание основы местоимения и притяжательного суффикса изначально могло иметь значение аккузатива и датива (в современных мансийском и венгерском языках — аккузатива, в пермских языках — датива, в хантыйских диалектах — как аккузатива, так и датива). Первичные показатели аккузатива и датива **-m*, **-t* и **-n* формально идентичны элементам, обозначающим 1-е и 2-е лицо. Ф. ван Нес (Лейден) анализировал аккузатив личных местоимений уральских языков, который наиболее четко выявляет различия между парадигмами склонения личных местоимений и остальных имен. М. Крахт (Берлин) предложил формулу иерархической структуры местных падежей и, исходя из нее, рассмотрел местные падежи уральских языков. Среди прочего он усомнился в том, например, что во (внутренне)местных падежах финского и саамского языков исконно присутствовал лативный элемент **s*, утверждая, что это должен был быть некий локатив. М. Чепреги (Будапешт) говорила об отношениях показателя абессива и каритивного суффикса в уральских языках. В историческом аспекте просмат-

риваются различные тенденции: с одной стороны, внутри предложения смешиваются атрибутивные и адвербиальные функции, с другой, постоянно возникает потребность однозначно различать между собой морфологические и синтаксические категории. О работе по стандартизации финно-угорской фонетической транскрипции рассказал К. Руппел (Хельсинки). А. Маркантонио (Рим) рассмотрела трудности, связанные с реконструкциями лексики прауральского языка. Э. Сий (Будапешт) говорила о возрождении субстратной теории. Е. Хелимский (Гамбург) признал, что в исследовании субстрата, который встречается в уральских языках, все еще много белых пятен. Он считает особенно важным в этом плане исследовать центральную и северную части Фенноскандии, бассейн Сухоны—Северной Двины, север Западной Сибири, Печерско-Ямальский район тундры, п-ов Таймыр.

Ж. Перро (Париж) познакомил с программой типологического исследования языков Северной Евразии. А. Куклин (Йошкар-Ола) рассказал о перспективах сопоставительного исследования уральских, алтайских и индоевропейских языков. Л. Арсланов (Елабуга) прочел доклад «Финно-угро-самодийская топонимия восточного Закамья и ее параллели в других регионах».

Несколько докладов было связано с тематикой праязыка и прародины. А. Кюннап (Тарту) в докладе «Компаративистика и уралистика» изложил точку зрения, согласно которой сравнительно-исторический метод при изучении истории языка не адекватен, отстал от жизни и два его основных понятия — праязык и языковое древо — просто игра фантазии, которой как рабочим инструментом языковедение уже не может пользоваться. К. Вийк (Турку) говорил о взаимодействиях и сменах языков у народов — носителей уральских и индоевропейских языков — в послеледниковый период. Л. Дежё (Падуя) высказал мнение, что лингвистике еще пригодится понятие праязыка.

Л.-Г. Ларссон (Уппсала) познакомил с данными о финно-угорских народах, которые можно обнаружить в архивах и

библиотеках Швеции. К. Вис (Неаполь) показала, почему Мартин Фогель востребован и сегодня. Р. Таагепера (Тарту) представил свою книгу «The Finno-Ugric Republics and the Russian State» (London 1999).

И. Ш. Батори (Кобленц) и Ш. Чуч (Будапешт) говорили о создании на основе уральского этимологического словаря К. Редери (UEW) этимологической базы данных уральских языков. И. Ниркош, И. Хоффманн, Ш. Матичак (Дебрецен) и Р. Л. Питкянен познакомили с проектом серии публикаций «Onomastica Uralica».

Довольно много докладов было посвящено прибалтийско-финским языкам. П. Каллио (Лейден) анализировал предложенную Л. Пости теорию суперстрата. На основе анализа языковых фактов он сделал вывод: утверждение Л. Пости о том, что в большинстве изменений прибалтийско-финских согласных «виновны» германцы или балты, которые произносили прибалтийско-финские согласные по моделям своего языка и носители прибалтийско-финских языков восприняли это произношение, не соответствует действительности. Его мнение подтверждает и то обстоятельство, что вокальные изменения тогда почти не происходило, хотя произношение прибалтийско-финских гласных должно бы представлять для германцев и балтов еще большие затруднения.

Т. Лехтинен (Хельсинки), возражая существующему мнению, считает, что кондиционалис на *-isi* все же старше, чем кондиционалис на *-ksi*, а прибалтийско-финский и саамский показатель *-ksi* — результат параллельного развития. Темой доклада Х. Форсберг (Йоэнсуу) было употребление и история прибалтийско-финского потенциала. Она сомневается, можно ли утверждать, что форма наклонения на *-ne* была известна уже финно-угорскому праязыку. К. Хасселблатт (Гронинген) сопоставил между собой 100 образцов наиболее употребительных прибалтийско-финских глаголов. Это позволило увидеть, в чем они различаются между собой и, что еще важнее, что у них общего. Э. Копонен (Гёттинген) предположил, что новые основы могли попасть в язык не только при заимство-

вании, но и внутриязыковым путем — через словообразование, потому что результатом отнюдь не всегда было прозрачное производное, а скорее новая основа. Й. Лааксо (Хельсинки) отметила, что хотя, руководствуясь младограмматической теорией, фонетические закономерности всегда считают первичными, в суффиксальной морфологии аналогия могла играть по меньшей мере такую же существенную роль, как звуковые развития. Она рассмотрела развитие множественного числа на *-a* в эстонском и водском языках, людиковского иллотива на *-i* и североэстонского суффикса *u/i*, при объяснении которого, очевидно, вместо фонетических заимствований главную роль играют совсем иные факторы: наряду с морфологической аналогией еще и варьирование, некое стремление к структуре, даже статистическая частотность. М. Пунттила (Хельсинки) прочел доклад «Выражение модеративности в прибалтийско-финских языках», Х. Лескинен (Ювяскюля) — «Положение экспрессивного материала в лексике прибалтийско-финских языков».

С.-Л. Хахмо (Гронинген) показала, что хотя во всех прибалтийско-финских языках встречаются слова, оканчивающиеся на **-eh*, гениальных среди них так мало, что возникает вопрос, существовали ли этот суффикс в период зарождения балтских и германских контактов вообще. Т. Хофстра (Гронинген) анализировал семантику имен прилагательных германского происхождения в прибалтийско-финских языках.

А.-Р. Хаузенберг (Таллинн) в докладе «Утраченное звено в языковой цепочке Северо-Восточной Европы» заметила, что в настоящее время в цепочке финно-угорских языков наиболее значителен географический пробел между прибалтийско-финскими и пермскими языками. При этом в коми языке есть черты, отсутствующие в удмуртском, но имеющие параллели в прибалтийско-финских языках, тогда как некоторые явления прибалтийско-финских языков наилучшим образом можно было бы объяснить наличием к востоку какого-то еще языка, утраченного к нашему времени. Языковые, исторические и археологические

данные позволяют предположить, что его ареал находился между ареалами коми и прибалтийско-финских языков по верхнему течению Северной Двины.

Р. Грюнтал (Хельсинки) пришел к выводу, что эстонский и ливский языки нельзя считать намного более флектирующими, чем финский, поскольку агглютинативные черты встречаются во всех этих языках в большом количестве и регулярно. Кроме того, изучение типологии какой-либо грамматической категории может оказаться плодотворнее, чем изучение типологии в целом. К. Паюсалу (Тарту) выдвинул в качестве причин чередования *-e* и *-a/-ä* в первых слогах эстонского и ливского языков прежде всего редукцию, влияющие гармонии гласных и заметил, что иногда может иметь место и варьирование, а не чередование.

Б. Бушмане (Рига) затронула тему контактов латышского и прибалтийско-финских языков, опираясь на латышский диалектологический атлас. Проявления влияния латышского языка в прибалтийско-финских языках рассмотрел Э. Винклер (Мюнхен).

Несколько докладов было связано с прибалтийско-финским лингвистическим атласом. Его главный редактор Т. Туоми (Хельсинки) попытался выяснить «В чем смысл картографирования языковых явлений». С. Сухонен (Хельсинки) говорил о принципах лингвистической географии, использованных в прибалтийско-финском лингвистическом атласе. А. Хяннинен (Хельсинки) рассказала о сборе и картографировании материала для атласа, а У. Ванхатало (Хельсинки) — о комментариях к нему.

В одном из докладов, посвященных ливскому языку — в докладе Б. Вялхли (Болл) подчеркивалось, что имеет смысл рассматривать ливский язык и в контексте финно-угорских языков, а при рассмотрении финно-угорских языков — учитывать не только финский, но и другие прибалтийско-финские языки. Он привел специфические явления в ливском языке, отличные от финского, но встречающиеся в других финно-угорских языках. Т. Халлинг (Тарту) говорила о выражении наречий средства

и способа в ливском языке. К. Бойко (Рига) рассказала об эстонских и ливских заимствованиях в латышском языке. Тема доклада С. Сухонена — «Что дескриптивно в ливском языке».

Из отдельных языков больше всего докладов было посвящено эстонскому и финскому.

Тематика докладов по эстонскому языку отличалась разнообразием. И. Лехисте (Колумбус) познакомил с экспериментом, в ходе которого слушателям предлагалось различить фонетически совпадающие формы инфинитива на *-da*, повелительного наклонения и лишительного падежа *suuta, võita, muuta, loota, toeta, peata, tööta*. В докладе А. Ээка и Э. Мейстера (Таллинн) рассматривалось восприятие степеней чередования долготы в эстонском языке. Э. Л. Асу (Тарту) прочла доклад об интонации в эстонском языке. Ее совместный с Ф. Ноланом (Кембридж) доклад содержал результаты изучения взаимовлияния интонации и основного тона. Темой доклада К. Паюсалу, М. Парве и П. Терас (Тарту) была просодия южно-эстонского языка.

Т. Пало (Тарту) сопоставила семантические группы эстонских и финских плюративов, которые как в морфологическом, так и в семантическом плане отнесла к дефективным словам. Типичны плюративы, которые вообще не имеют форм единственного числа, плюративы 2-го уровня имеют разные семантические (оттенки) единственного и множественного числа, у плюративов 3-го уровня в единственном и множественном числе значение одно и то же, плюративы 4-го уровня обладают формами единственного и множественного числа, но форма единственного числа указывает на какую-либо часть. Т. Пало распределила плюративы на семь семантических групп, причем выяснилось, что финские плюративы можно классифицировать так же, как эстонские. С. Варе (Таллинн) прочитала доклад «О сдвиге в употреблении и структуре сложного глагола эстонского языка». В последние десятилетия количество сложных глаголов постоянно растет. Первым компонентом их может быть наречие (*taasühinema, sala-*

kuulama), прилагательное (*kuritarvitama, sügavkülmutama*), существительное (*ilulugema, kujundujuma*). Частенько при этом имеет место обратное образование глагола от отглагольного существительного (*ilulugemine > ilulugema*) или сложного существительного (*rahatrahv > rahatrahvima, helilint > helilindistama*). М. Хинт (Таллинн) говорил на тему «Открытие и изобретение в грамматиках эстонского языка». Примером сконструированной структуры (правил) привел он типы склонений эстонского языка, а примером открытия, т.е. правила в самом объекте, управляющего функционированием языка, — употребление дополнения в эстонском языке.

К. Оюткангас (Турку) анализировала превращение внутриместных падежей эст. и фин. *käsi* в наречие или пред- и послелого. В эстонском языке степень грамматикализации этих форм выше, чем в финском, причем в финском языке шведское влияние, пожалуй, ощутимее, чем влияние немецкого языка в эстонском, но в обоих случаях вполне возможно и внутриязыковое развитие.

Х. Метсланг (Таллинн) прочитала доклад «Эст. *las*: от формы императива до частицы». М. Эрелт (Тарту) говорил о тенденциях конгруэнции в развитии эстонского языка. П. Немвалтс (Уппсала) выступил на тему «Совместное влияние синтаксиса и семантики в эстонском языке».

М. Калласмаа (Таллинн) прочитала доклад «Названия эстонских хуторов и проблема германских личных имен». Х. Хейнсоо (Тарту) рассмотрела возникшие на базе личных имен апеллятивы. А. Хуссар (Таллинн) выступила на тему «Употребление личных имен в эстонских, русских и эстонско-русских семьях».

В. Рааг (Уппсала) рассказала об увлечении Г. Стярнхелма эстонским, финским, саамским и венгерским языками.

Докладов на темы эстонского литературного языка было много. М. Мадиссо (Тарту) выбрала тему «Как научить уважению к правильному эстонскому языку». Х. Лаанекаск (Оулу) прочитала доклад «Журнал «*Beiträge*» и эстофилы», У. Пирсо (Тарту) — «Существительные и употребление их в проповедях Г. Мюл-

лера», В.-Л. Кингисепп (Тарту) — «О толковании значений в авторском словаре». Темой доклада К. Хабихт были модальные конструкции старейшего литературного эстонского языка, М. Онга (Тарту) рассказала о юридической лексике эстонского языка первой половины XIX в., Х. Вихма (Таллинн) — о создании новых слов Й. Аавиком. Х. Сулкала (Оулу) говорила о языке старых эстонских и финских церковных песен. Р. Рааг (Уппсала) рассмотрел североэстонские черты в южноэстонском литературном языке XVI и XVII вв. и причины их появления.

Х. Неэтар (Таллинн) представила доклад «Страны света в лингвистическом атласе: «*Atlas Linguarum Fennicatum*», а В. Оя (Таллинн) — «Диалектные карты о понятиях 'светлый' и 'темный'». Э. Миконе (Турку) на базе эстонского языка анализировала звукоизменения экспрессивной лексики.

Шведские заимствования в хийумааских говорах эстонского языка анализировала М. Седрик (Тарту). Некоторые общие черты в развитии эстонского, латышского и литовского языков выделила Б. Клаас (Тарту).

С. Немвалтс (Уппсала) анализировала язык учащихся, переселившихся на жительство из Эстонии в Швецию. Т. Саласоо (Сидней) на примере одного мальчика в Эстонии и двух в Австралии показала, как ребенок овладевает эстонским языком.

Впервые в программе конгресса финно-угроведов фигурировал симпозиум по вычислительной лингвистике, доклады которого, за исключением двух, были связаны с эстонским языком. Доклад Х.-Я. Каалеп, К. Муйшнек, Л. Палдре и Т. Вайно (Тарту) познакомил с корпусом эстонского литературного языка ТУ, а доклад Т. Хенносте, Л. Линдстрём, А. Ряэбис, П. Тоомет и Р. Веллеринд (Тарту) — с корпусом эстонской разговорной речи. Х.-Я. Каалеп и Т. Вайно в своем докладе средства морфологического анализа. К. Мацумура (Токио) прочел доклад на тему «*ESTMORF* и *Perl* как инструментальные средства эстонской корпусной лингвистики». К. Муйшнек, К. Мююрисеп и Т. Пуолакайнен (Тар-

ту) представили программу синтаксического анализа эстонского языка, К. Видер и Х. Орав (Тарту) — лексико-семантическую базу данных эстонского языка.

В о д с к о м у языку был посвящен доклад Пауля Алвре (Тарту) о принципах образования множественного числа.

И. Николаев (Санкт-Петербург) представил единственный на конгрессе доклад об и ж о р с к о м языке, он сопоставил свой, собранный за последние годы ижорский материал с материалом 1885 года, опубликованным в исследовании В. Поркка, и пришел к выводу, что в течение прошлого века в ижорском языке сократилось употребление притяжательных суффиксов, а также перфекта и плюсквамперфекта. Реже встречается теперь и потенциал на *-ne*. Такие же явления отмечаются в других прибалтийско-финских языках.

Наиболее разнообразными по тематике, кажется, были доклады, посвященные ф и н с к о м у языку.

Этапы формирования самых северных финских диалектов — начиная с прибалтийско-финского праязыка и до позднего влияния саамского языка — рассмотрел Х. Мантила (Оулу).

А. Иивонен (Хельсинки) говорил о звуковых явлениях на границе слова в финском языке, К. Хаммелстедт (Турку) — о сочетаниях согласных начала слова в финском языке и в шведском языке в Финляндии.

О пассиве инфинитива на *-ta* в старом финском литературном языке и некоторых диалектах рассказала Л. Кютёмяки (Турку), о глагольном словоизменении в диалекте Рованиеми — М. Харью-Аутти (Оулу), о варьировании ингерманландско-финских местных падежей — О. Кокко (Йоэнсуу), об ингерманландско-финском имперфекте на *-si* — Х. Рийонхеймо (Йоэнсуу). М. Вилппула (Хельсинки) познакомил с планом создания диалектологического атласа финского языка. Т. Хуумо (Турку) прочел доклад «Бытейные предложения как концептуальные сплавы». Т. Тантту (Йоэнсуу—Таллинн) сопоставила синтаксическое употребление финского I инфинитива и эстонского инфинитива на *-da*. Я. Сивонен (Оулу) анализировал гла-

голы движения, М. Сийронен (Хельсинки) — финские глаголы, выражающие чувства, П. Саукконен (Хельсинки) — семантическую типологию финских глаголов. В своем докладе на секции семантики М. Вилппула показал, что в некоторых диалектах фин. *ihminen* имеет значение 'женщина', а не 'мужчина'. О. Никкиля (Хельсинки) выступил на тему «Заемствования и экспрессивность в свете шведских заимствований», а В. Ярва (Ювяскюля) — на тему «Чужие и исконные элементы в лексике финского языка». Ю. Лескинен (Тампере) предложил доклад «Подражательные слова как предмет лексического изучения». М. Койстинен (Йоэнсуу) рассказала о конструкциях с парными глаголами в финском языке.

С. Черных (Йошкар-Ола) анализировал названия *fenn, finn, vendi, Venäjän, Suomi, saami, samojed*. О. Бушс (Рига) прочел доклад «Финские топонимы как аргумент при этимологизации латышских местных названий». Т. Айниала (Хельсинки) говорила об изменениях в топонимах Финляндии, Р. Л. Питкянен (Хельсинки) — о старейших топонимах южного побережья Финляндии, Т. Аланен (Хельсинки) — о названиях хуторов *Savo* в XVI—XVII вв.

П. Лайне (Турку) выступила с докладом о финской географической терминологии XIX в., П. Форсман Свенссон (Хельсинки) — об отглагольных именах старого финского литературного языка, С. Канкаанпя (Хельсинки) — о финском языке информационной прессы.

К. Лаало (Тампере) рассказал о тенденции в финской детской речи пользоваться трохейными формами, М. Лейво (Ювяскюля) — о гармонии гласных с точки зрения усвоения языка. В докладе А. Парикка и Й. Тойванена (Турку) в сопоставительном плане анализировалась финская и английская детская речь.

С десяток докладов было посвящено карельскому языку и Карелии. К. Труве (Тарту) рассмотрела типы общего вопроса карельского языка. Основной тип, по ее мнению, — сказуемое + вопросительная частица и подлежащее. Кроме того, имеется несколько второстепенных типов.

Описательные глаголы карельского языка анализировала В. Федотова (Петрозаводск), а карельские названия птиц — П. Зайков (Петрозаводск).

Редактор карельского диалектологического атласа Л. Сарвас (Хельсинки) рассказала о истории его создания и картах, сравнив материал Д. Бубриха с собранным для ЛАЕ карельским материалом. Л. Йоки и М. Торикка (Хельсинки) в докладе «Заметки о тверском материале в «Словаре карельского языка»» представили, откомментировали и сравнили накопленный исследователями в разные периоды диалектный материал. С. Пью (Св. Эндрюс) говорил о контактах русского и карельского языков и подробнее о фонетическом усвоении слов русского происхождения, используя 5-ю часть «Словаря карельского языка».

Современное положение карельского языка осветила Р. Пюёли (Лахти). В докладе «Возрождение языка, это реальность или мечта?», опираясь на разработанные Д. Фишманом ступени, она рассмотрела восстановление общественных и политических функций карельского языка. Я. Ёйспуу (Таллинн) проследил развитие терминологии на карельском языке за последние десятилетия. Наиболее распространенный способ пополнения терминологической лексики — заимствование из финского языка, русские слова при этом не поощряются. Отмечаются и первые попытки использовать для развития терминологии внутриязыковые ресурсы. А. Сархимаа (Хельсинки) рассказала о карельско-русском двуязычии.

Характерные особенности ономато-поэтических слов в е п с с к о г о языка были темой доклада М. Зайцевой (Петрозаводск). Из доклада Н. Зайцевой выяснилось, что если морфология существительного довольно единообразна по всему ареалу вепсского языка, то в морфологии глагола различия между диалектами ощутимы. М. Йоалайд (Таллинн) представила стендовый доклад на тему «Южновепсский диалект и его говоры».

По с а а м с к о м у языку докладов тоже было немного. А. Лёв (Трондхейм) выступил с темой «Имена и фамилии южных саамов в 1700—2000 гг.». М. Сарв

(Тарту) говорила о предикативных и атрибутивных формах прилагательных в кольско-саамском и Колта-саамском языках. А. Айкио (Оулу) показала, что в финском языке возможны ранние саамские заимствования. З. МакРобби-Утаси (Ванкувер) анализировала акустические признаки конечных редуцированных гласных в Колта-саамском языке.

Среди докладов по м о р д о в с к о м у языку многие связаны с морфологией. Л. Керестеш (Дебрецен) рассмотрел мордовские бессуффиксные формы объектного склонения и некоторые проблематичные суффиксы, Дж. Ройтер (Саранск) — эрзянский инессив, Н. Агафонова (Саранск) — морфологические особенности смешанных эрзя-мокшанских говоров диаспоры, Г. Иванова (Саранск) — мокшанские именные основы и те изменения, которые происходят в них с присоединением падежного окончания.

Н. Казаева (Саранск) анализировала общие элементы в топонимии Мордовии и соседних регионов.

О. Поляков (Саранск) говорил о мордовских языках как государственных языках национальных меньшинств, а М. Мосин (Саранск) — о возможностях обогащения лексики эрзянского литературного языка.

Д. Эстилл (Хельсинки) рассказал о диахроническом и синхронном исследовании системы ударения в эрзянском языке. В совместных докладах Э. Л. Асу, И. Лехисте, Э. Мейстера, К. Паюсалу, М. Парве, П. Тeras и Т.-Р. Вийтсо ставились проблемы акустического анализа просодии эрзянского и луговомарийского языков.

В области м а р и й с к о г о языка — О. Сергеев (Йошкар-Ола) рассмотрел синонимику форм местных падежей и послеложных конструкций, Л. Васикова (Йошкар-Ола) — агглютинацию марийских морфем, Й. Луутонен (Турку) — формы множественного числа в марийском языке. Л. Барцева (Йошкар-Ола) выступила с докладом «Полисемия в марийских фразеологизмах», М. Шабдарова (Йошкар-Ола) — «Функционально-семантическое поле залоговости в марийском языке». К. Адыгаши (Дебрецен) охарактеризовала субстратную лек-

сику марийского и чувашского языков. Ю. Андуганов (Йошкар-Ола) рассказал о типологических изменениях марийского синтаксиса.

Г. Берецки (Будапешт) рассмотрел ареальные явления в Волго-Камском регионе. Полное совпадение в финно-угорских и тюркских языках встречается часто, но есть случаи, где оно невозможно, поскольку отсутствует соответствующая категория, например, футурум в финно-угорских языках.

И. Иванов (Йошкар-Ола) говорил о важности развития единого марийского литературного языка.

Аналитическим формам претерита в коми языке посвятил свой доклад Е. Цыпанов (Сыктывкар). П. Кокконен (Хельсинки) сопоставила коми и удмуртские парные глаголы с парными глаголами волжских языков. Г. Федюнева (Сыктывкар) анализировала вариативность коми личных местоимений. Н. Забоева (Сыктывкар) прочла доклад «Выражение сравнительных отношений в коми языке с помощью падежных форм». С. Максимов (Ижевск) говорил об ареальной лексике пермских языков, А. Ракин (Сыктывкар) — о происхождении анатомической лексики в пермских языках. Свой доклад М. Лейнонен (Тампере) и В. Лудькова (Сыктывкар) озаглавили «Слово *да* в коми языке и севернорусских говорах». Я. Савела (Турку) познакомилась с результатами акустического изучения системы гласных коми языка.

В. Кельмаков (Ижевск) анализировал общие явления в удмуртском и коми-пермяцком языках на базе гласных непрерывных слогов. Т. Краснова (Ижевск) рассказала о работах по исследованию просодии южноудмуртского предложения. Э.-Ю. Салминен (Хельсинки) заинтересовался, каким образом можно упростить финно-угорскую транскрипцию в части удмуртского языка. И. Козмач (Кечкемет) прочел доклад «Об удмуртских возвратных глаголах». Л. Карпова (Ижевск) предложила разбор бессоюзных сложных предложений в удмуртских диалектах и разговорной речи. О лингвогеографии удмуртских диалектов рассказал Р. Насибуллин (Ижевск). М. Атаманов (Ижевск) выступил на тему «Бесер-

мянский след в диалектах удмуртского языка». Л. Кириллова (Ижевск) привела диалектные черты микропонимов бассейна Кильмези.

Б. Оско (Будапешт) рассмотрела в своем докладе историю согласных в угорских языках и П. Шервуд (Лондон) — определенность в венгерском, хантыйском и мансийском языках.

Семантические инновации обско-угорских языков анализировала М. Шипош (Будапешт). И. Николаева (Лондон) посвятила свое выступление проблемам объекта в обско-угорских языках. Г. Б. Секей (Печ) сопоставил согласование числительных в обско-угорских и самодийских языках.

Интонацию хантыйского языка рассмотрел З. Молнар (Будапешт). М. Сало (Хельсинки) представила доклад «Модальные глаголы в северохантыйских диалектах». О хантыйских фразеологизмах говорила В. Соловар (Ханты-Мансийск). В докладе О. Осиповой и А. Фильченко (Томск) анализировались прауральские элементы, обнаруживаемые в хантыйских диалектах.

В докладе по мансийскому языку Е. Скрибник (Новосибирск) обсуждались синтаксические проблемы пассива, объектного склонения и падежей.

По венгерскому языку докладов на этот раз было меньше обычного. В. Реваи (Ниредьхаза) рассмотрела венгерские прилагательные на *-s* и *-ű/-űi* и их финно-угорские соответствия. М. Васеда (Осака) прочел доклад «Модальные функции венгерских форм императива в придаточных предложениях». М.-Ж. Гуесс (Париж) анализировала порядок слов в венгерском языке. Т. Агранат (Москва) рассмотрела некоторые синтаксические конструкции в старом венгерском литературном языке. И. М. Надь (Дебрецен) сопоставила пары слов старых литературных венгерского, финского и эстонского языков. К. Томиш (Братислава) познакомил с историей хунгарологии в Словакии.

Супин в самодийских языках анализировала А. Кузнецова. И. Аудова (Тарту) сопоставила употребление самодийского глагольного суффикса уральского происхождения **ś(V)* и суф-

фикса тюркских языков *-sa/sa*. Стендовое выступление П. Клесмент (Тарту) было посвящено оптативу с показателем *l* в самодийских и сибирских неуральских языках. У. Сутроп сравнил отыменные глаголы со значением запахов в немецком и самодийских языках.

О н е н е ц к о - р у с с к о м с л о в а р е в компьютерном варианте говорила М. Люблинская (Санкт-Петербург).

Э н е ц к и е инфинитивные формы глагола рассмотрела И. Сорокина (Санкт-Петербург).

Компьютерный тезаурус северных диалектов с е л ь к у п с к о г о языка представила О. Казакевич (Москва).

В дни работы конгресса участники имели возможность посетить несколько книжных и художественных выставок. В четверг, 10 августа, они побывали на экскурсиях, познакомились с красотами природы и достопримечательностями Южной Эстонии и Северной Тартумаа.

На торжественном закрытии Тартуского конгресса Т. Сейлентал объявил, что X международный конгресс финноугроведов состоится в 2005 году на марийской земле — в Йошкар-Оле, президент следующего конгресса Ю. Андуганов пригласил всех присутствовавших принять участие в его работе.

АНУ НУРК (Тарту), *ЯАН ЫЙСПУУ*,
ВЯЙНО КЛАУС (Таллинн)